

Алексей Бессонов

СОЖГИТЕ ВСЕХ!

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Мир Алекса Королева

Алексей Бессонов

Сожгите всех

«ЭКСМО»

2001

Бессонов А. И.

Сожгите всех / А. И. Бессонов — «Эксмо», 2001 — (Мир Алекса Королева)

Андрей Огоновский, старый космический волк, которому не раз приходилось пускать в ход свой верный бластер, никогда не забывал о своем основном предназначении. Служитель бога Эскулапа, врач, человек с золотыми змеями на погонах, он спасал жизни других людей, подчас рискуя своей собственной. Но пришел час, когда ему пришлось стать спасителем целой планеты... А когда отгремели сражения космической войны и он вернулся на родной Оксдэм, вместо заслуженного отдыха ему пришлось вступить в схватку с грязной сворой, объединившей болотных бандитов-людоедов и лощеных бизнесменов.

© Бессонов А. И., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	16
Глава 4.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Бессонов

Сожгите всех

*«Они припомнят нам все, что
мы когда-либо сделали...
и даже больше того.»*

Банальная истина.

Глава 1.

Грязно-желтый туман, стелившийся над болотами, рассеялся только к вечеру, да и то не до конца. В большом и немного аляповатом доме, украшавшем собою вершину плоского холма, весь день горели желтые огни, а из двух широких окон второго этажа лился и вовсе странный ярко-белый свет, широкой полосой рвавший тяжелый, влажный сумрак. Окна погасли незадолго до заката. Проходивший мимо шахтер услышал, как стукнули, раскрываясь, оконные рамы, и чей-то усталый голос произнес:

– Теперь давайте его вниз. Завтра, если все будет нормально, начнете вводить питательную смесь. Я думаю, что с перистальтикой проблем у нас не возникнет.

Шахтер удивленно пошевелил густыми седыми бровями: этот голос показался ему смутно знакомым, но он долго не мог вспомнить, кому же он принадлежит. Старик был крепко навеселе, и события прежних лет чуть-чуть размазывались в его памяти. Наконец, вспомнив, он хлопнул себя по лбу, его моложавое лицо осветилось радостной улыбкой, и он круто повернул в сторону аллеи, что вела ко входу в усадьбу.

На пороге дома шахтер немного замешкался, оправил на себе куртку и с неожиданной для него робостью коснулся сенсора звонка. В холле слабо прошуршали чьи-то легкие шаги. Дверь открыла серьезная, даже суровая женщина в темном брючном костюме.

– Слушаю вас, мастер...

– Я это... тут дело такое – шел вот, услышал... доктора бы мне.

– На что вы жалуетесь, мастер? – на него смотрели внимательные темные глаза, от которых старик совсем оробел.

– Да я вот... я доктора повидать хотел. Мы-то с ним раньше, знаете, вот... в общем, раньше я его знал. Вот только жил-то он не здесь, а в Змеином лого, но уж голос-то его я ни с чьим другим не спутаю!

– Доктор только что после операции, – строгая дама уже собралась захлопнуть перед гостем дверь, но ее остановил голос из холла:

– Заходите, старина, я не так уж и устал!

Шахтер вошел в слабо освещенное помещение, вдоль стен которого лежали еще не развернутые ковры и какие-то ящики, и с улыбкой бросился навстречу коренастому мужчине с собранными в «хвост» волосами, одетому в операционный комбинезон.

– Мы уж не думали, что док Эндрью вернется! Столько времени-то прошло, вроде и война, пропади она, закончилась, а дока нет и нет, что уж тут... все, решили, убило его... Сэмми Палка все горевал: вот, говорит, беда-то, док-то Эндрью пал, значит, в бою, а кто теперь детишек наших от лихорадки спасти будет? А тут иду, слышу: ну точь-в-точь, док вернулся!

– Привет, Джош! – засмеялся врач. – Ну, твой-то бас и я не забуду! Прости, руки не подам, только помылся, да не до конца еще. Сейчас, вот переоденусь, пойдем перекусим. Бренда, проводите мастера Джоша в гостиную и угостите его виски. Ужин, я надеюсь, готов?

Бренда недовольно поджала губы. Ей казалось странным, что заслуженный, прошедший всю войну врач, с которым она прилетела на эту планету для работы по государственному контракту, панибратствует с простыми работягами. Но командовал здесь, разумеется, он: дав себе слово со временем покончить с такими непотребствами, Бренда проводила поддатого деда в гостиную, вынесла ему графин с виски и отправилась распоряжаться насчет ужина.

Док Эндрью не заставил себя долго ждать: вскоре он появился в гостиной, уже причесанный, в теплом вечернем камзоле, в глазах поблескивали знакомые Джошу веселые искорки – так, словно и не было этой проклятой войны, отнявшей у него годы, от первого ее дня до последнего...

– Три дня как прилетел, – сообщил он старому шахтеру. – Только мы успели операционную распаковать, а тут уже и язву привезли, слава богу, несложную.

– А дома-то вашего старого нет уже, – печально улыбнулся Джош. – Снесли его, когда учебный лагерь-то строили.

– Знаю, – хмыкнул врач. – Ну давай, рассказывай: как сыновья твои – воевали, небось?

Старик горько вздохнул и поглядел на графин, к которому он так и не решился притронуться без хозяина.

– Старший, Билли который, так сгорел он... в первый же год, вот как вас забрали-то, так он и сгорел. Ни гроба, ничего – крест прислали в рамочке, да компенсацию. Ну, что тут... поплакали мы, а оно понятно-то – война ведь, куда уж тут. А младший, это Денька-то который, так тот бегаёт – его в предпоследний год забрали, так он-то, что тут! – лейтенантом пришел, весь в мундире, с железякой своей. Сейчас уже свой-то у него, скоро полгода как. Сейчас хочет в порт устроиться, вроде как кавалер, должны его взять-то, что тут! А скажите, – Джош облизнулся, глядя, как доктор наливает ему полный стакан дорогого желтоватого напитка, – а тот док, который Аксель, как он там? Вернется-то?

– Генерал Аксель Кренц погиб через два дня после заключения мира, – тихо сказал Эндрью. – Через два дня, Джош...

– Ах ты, будь оно все проклято! Аксель, он-то резковат бывал, зато уж и лечил на совесть, что уж тут!.. давайте за упокой, что ли... генерал, говорите? Как же это он так?

– Да вот так, старик. Я и не знал, почти до конца, – а он уже начмедом корпуса был. Десантный корпус. Ну и погиб он, когда на их базу залетные какие-то набросились, а он госпиталь спасать полетел. Давай, за Акселя, мало таких как он было...

– Война, – вздохнул шахтер, жмурясь от виски. – А порядки-то у нас теперь новые, что тут! Когда лагерь-то строили, так Басюк, что б его, поднялся, о как! Теперь, говорю, всей округой вертит как хочет. Что хочет, то и делает. Коноплянку чуть не закрыл, с Маркеласом разругался, почти война там была, что уж тут...

– Вот так... – скривился доктор. – А я-то думал, что его призовут, урода. Такие скоты обычно долго не живут, факт. Закон природы, если хочешь. Либо сам по тупости сунется, либо в штрафчасть командир засунет. А там его храбрость до задницы, точно знаю. А что, шеф-попечитель, я слышал, новый совсем?

– Да тут же когда военные власти-то появились, так и он. А с войны пришел, да и назначили его сразу же. А ничего он, ничего, тихий. Ни во что не лезет, сидит себе. Правда, пьет, люди говорят – ну так разве то наше дело? Пьет шеф-попечитель, так и что уж тут... он пьет, я не лезь. Я и сам могу, что мне...

– Придется, конечно, представляться ему, – тихонько рассмеялся Эндрью. – Ну ничего, я на Флоте так пить научился – куда ему!

– Тяжело было-то? – осторожно спросил его Джош.

Врач неопределенно хмыкнул и посмотрел в окно, за которым уже почти совсем стемнело.

– Да по-разному. Я вот горел-горел, а до конца сжечь они меня так и не сумели. Акселя мне жалко, ты даже не представляешь. Я ведь всю войну не знал где он, что он... потом уже, когда узнал, времени совсем не было, да и до конца было – рукой подать, это мы хорошо понимали. Раз только и встретились. Думал, вот сейчас отвоюемся, выйдем, естественно, вчистую, тогда и насосемя коньяку как следует. А оказалось...

Джош скорбно вздохнул, поглядел на окутавшую болота темень и засобирался домой.

– Пойду я док, а то ночью-то не здорово, что уж тут. Старуху обрадую, док, скажу, старый приехал. Она, наверное, к вам и бросится, любит она вас, все про Билли забыть не может, вы ж его тогда с того света вынули, что тут... вынули, а он вот...

Эндрю погладил старика по плечу, выбрался из кресла и подошел к высокому шкафу, занимавшему почти всю стену гостиной. Распахнув одну из дверей, он вытащил оттуда высокую зеленую бутылку:

– Держи, старик, на дорогу. Здесь такого не купишь.

– Да что вы, док, как же это я...

– Держи, держи. В память о сыне.

Из глаз старого шахтера брызнули слезы. Пряча их от хозяина, он быстро прошел через холл и остановился возле двери, глядя на висящий на вешалке китель.

– Пойду, док, – повторил он, обеими руками тиская ладонь врача. – Пойду...

На темно-синем мундире золотились погоны полковника медицинской службы Флота.

Закончив ужин, Андрей Огоновский взял в руки высокую рюмку с коньяком, нащупал в кармане камзола сигару и, набросив на плечи синюю шинель, вышел на веранду. С болот потягивало давно привычной ему сыростью, легкий прохладный ветер шевелил листья, покрывавшие старый, нелепый сад, что окружал его новый дом. Раньше здесь жил спятивший флотский генерал – одинокий, брошенный детьми, он сутки напролет писал многотомный труд, призванный опровергнуть устоявшиеся стратегические традиции. Старый генерал умер в первый же год войны, когда главное управление личного состава наотрез отказалось призывать замшелого маразматика. Всю жизнь воевавший, до пупа увешанный крестами, он тихо испустил дух за письменным столом – его нашли через несколько дней, сидящего в кресле с погасшей трубкой в руке...

Приняв решение возвращаться на Оксдэм, Огоновский связался с представителями местной власти и запросил справку о состоянии собственной усадьбы. В канцелярии шефа-попечителя смущенно замялись и предложили взамен этот, ничуть не худший старый дом, все претенденты на который погибли в огне войны. Огоновский понимающе вздохнул и согласился, тем более что холмы были лучше низины, в которой он обитал раньше. По-быстрому решив вопрос с продолжением гражданского контракта, он за свой счет закупил все необходимое оборудование и вылетел на Оксдэм – проблема с оборудованием заключалась в том, что формально он все еще числился во Флоте; приказ об увольнении ожидался со дня на день. В кадрах долго умоляли его подождать хотя бы полгода, так как командование хотело произвести его в генеральский чин, но не хватало проклятого ценза. Андрей плюнул и на ценз, и на лампы – договорившись обо всем с начальником кадровой службы своего корпуса, он собрался и улетел. Не то чтобы ему так надоел Флот, но...

Он не мог не вернуться сюда. Причин было несколько: во-первых, годы, проведенные среди этих неласковых болот, во-вторых, отсутствие каких-либо иных корней и полное нежелание семьдесят (а то, глядишь, и больше!) лет сидеть где-нибудь на Авроре в качестве пенсионера-генерала, и, наконец, – Аксель.

В течении всей войны они смогли поговорить друг с другом только раз, когда Кренц прибыл на базу, занятую крылом Андрея.

– Вернешься? – это было первое, что спросил у него Аксель.

– А что делать? – весело усмехнулся Андрей. – Куда ж еще? Скоро уже...

– Да, теперь уже скоро. Знаешь, я только об этом и думаю. Только об этом, веришь? Все эти годы мне Окс наш снится. Болотами пахнет, бэрки подвывают по ночам...

Они стояли посреди громадного ангара, вокруг них суетились нижние чины, управлявшие разгрузочной техникой, молоденькие офицерики последнего призыва, ожидающие погрузки на малый десантный транспорт – они стояли, и все не могли сдвинуться с места, не могли наговориться – моложавый полковник медслужбы Флота и такой же, уверенный в себе генерал десанта со змеями Эскулапа в петлицах.

Ему предлагали места ближе к экватору, в более ровном и теплом климате, но Андрей отказался. Он должен был вернуться именно сюда, в привычный ему шахтерский край, его ждали именно эти, ставшие ему родными люди, за которых он несколько лет умирал в горящих бронированных коробках.

Пока шла война, он как-то не слишком задумывался о судьбах простых работяг, владельцев крошечных семейных шахт и скотоводов, живущих на огромных ранчо среди влажных зеленых холмов. Там был огонь, на нем были погоны, и много раз случалось так, что долг, этими погонами подчеркнутый, заслонял собой все остальное. Он вспоминал Оксдэм, точнее – он не забывал о нем, но как-то довольно отвлеченно: да, хотелось вернуться... да, больше-то, собственно, и некуда... А потом, когда война закончилась, когда глупо и нелепо погиб Аксель, он начал понимать, что иной дороги просто нет. Торчать в уважаемой клинике на какой-нибудь старой планете? Писать научные работы, огрызаться на молодых и честолюбивых? Нет, это его не устраивало.

Туман постепенно опускался вниз. Андрей знал, что скоро он сонно уляжется в лощинах, а над головой появятся звезды. Все было привычно... через несколько дней сад, уже полыхающий осенним багрянцем, облетит наголо, и тогда он выйдет из дому ранним утром – деревья будут стоять почти черными, а в воздухе появятся острые иголки зимы. А потом выпадет снег: ненадолго, потому что морозов тут почти не бывает, но все же он полежит день, а может и два, и мальчишки, хохоча, будут перебрасываться грязноватыми снежками – потому что мальчишки всегда хохочут в первый мокрый снег. У многих из них уже не будет отцов. Здесь осталось очень мало мужчин, овдовевшим женщинам трудно найти себе пару, поэтому мальчишки вырастут солдатами, это почти наверняка, это у нас так принято, и лет через десять-пятнадцать в войсках будет очень много офицеров с Оксдэма, который до сих пор считается диким миром.

В небе появились первые, пока только самые яркие, звездочки. Андрей допил коньяк, задумчиво пососал сигару и вернулся в дом.

* * *

Шефа-попечителя территории Гринвиллоу звали Оливер Бэрден. Едва только глянув на его узкую, будто сплюснутую голову, покрытую тщательно прилизанными волосами, на серые глаза, в которых навсегда застыла какая-то потаенная грусть, Огоновский понял, что войну он провел в интендантской службе ВКС. Бэрден вызывал симпатию – Андрей знал, где именно прячется его тщательно скрываемая горечь: когда другие сражались, горели и получали свои кресты, тихий аккуратный интендант занимался подсчетом носков, шинелей или отражателей. Без него встала бы вся военная машина. Такие, как он, сражались на своем фронте – но, черт возьми, там не стреляли!

Поглядев на шефа, Андрей остро пожалел о том, что явился в его канцелярию в мундире, да еще и с крестами на груди. Бэрден смотрел на него, как побитая собака.

Он пьян – но не очень.

– Флаг-майор Бэрден, – представился он, протягивая Андрею крохотную мягкую ладошку. – Очень рад знакомству, полковник. Я так понял, вы еще в кадрах?

– Это вопрос, может быть, недели, – тепло улыбнулся Огоновский. – Надеюсь, вы согласитесь со мной, когда я скажу, что такая нелепая формальность не должна омрачить наши отношения?

Бэрден поспешно махнул рукой.

– О чем вы говорите, доктор! У вас такая репутация – святой позавидует. Да и все эти годы, что вы провели здесь, на Оксдэме... разве я мог бы усомниться в вашей...

– Компетентности? – осторожно подсказал Андрей, видя, что шеф явно теряется в словах.

– О да, доктор! О чем мы говорим! Может быть, мы... – тот вновь замялся и в конце концов не придумал ничего лучше, как осторожно («незаметно!») провести указательным пальцем по собственной шее, – ... пообедаем? Мне просто неприлично быть негостеприимным, когда речь идет о человеке, к которому я, возможно, лягу когда-нибудь под нож.

– Типун вам на язык, – хохотнул Андрей. – А вот от обеда я не откажусь.

В движениях шефа-попечителя появилась знакомая Огоновскому нетерпеливость. Вызвав секретаршу, он приказал ей срочно накрывать прямо здесь, в кабинете – а пока она разберется, что к чему, распахнул сейф и вытащил бутылку редкого коньяка.

– Сам я это не пью, – признался извиняющимся тоном. – Держу пару бутылочек для таких вот случаев. Ну что ж, за знакомство, доктор!

– Польщен, – улыбнулся Андрей. – Ваше здоровье, шеф.

Шеф-попечитель проглотил свой коньяк с большим чувством, может быть, как подумал Андрей, даже восторженно – он встречал таких тихих пьяниц, стесняющихся пить в одиночестве, и все равно пьющих, чаще всего от безысходности; Огоновский спрятал некстати появившуюся улыбку и принялся оглядывать интерьер кабинета. Бэрден, очевидно, не дал себе труда навести здесь подобающий его рангу порядок. Просторный, какой-то даже размашистый кабинет выглядел так, словно здесь до сих пор обитал чин высшей военной администрации, мало озабоченный порядком: сегодня здесь, завтра там, и какой смысл обзаводиться ковриками и рюшечками... Стол, правда, был огромен – вероятно, он перекочевал сюда с какой-то из старых планет, где служил в свое время то ли сенатору, то ли крупному бизнесмену с консервативными привычками. На столе покоился довольно приличный терминал с прямым выходом на дальнюю связь, пара кожаных папок с какими-то распечатками, и казенный черно-золотой орел в качестве символа власти. Поглядев на него, Андрей вдруг подумал, что бедняга шеф, по всей видимости, стесняется презрительного взгляда двух пар его глаз и, если бы не порядок, не стал бы держать у себя на столе этот древний символ человеческого могущества.

– Надеюсь, мастер Бэрден, вы довольны своим назначением? – участливо поинтересовался Андрей, видя, что его собеседник все еще тушует и не может начать разговор. – Здесь довольно сложно, знаете ли... но, с другой стороны, при хорошей удаче можно сделать приличную политическую карьеру. Общественная политика, мастер шеф, имеет в наших диких краях немалую перспективу.

Бэрден улыбнулся, – понимая и в то же время немного иронично.

– Я еще не решил, куда мне идти. Политика, может быть, не так и плоха, но пока меня вполне устраивает государственная служба. Конечно, в таком раскладе любые мои действия жестко регламентируются безоговорочной лояльностью, но зато я имею под своей задницей достаточно прочное основание, вы согласны?

– Х-ха! – Шеф нравился Андрею все больше и больше, – Я вас понял... давайте-ка еще по одной.

Вторая рюмка чуточку расслабила чиновника.

– Меня с самого начала предупредили, что Оксдэм – не место для сопляков. Да впрочем, я и сам это понимал, еще тогда, когда оказался здесь в качестве представителя военных властей... территория, населенная сплошными лендлордами, причем не карликовыми, а, если

рассматривать вопрос формально, самыми что ни на есть настоящими. Владельцы шахт располагают землями, вполне сравнимыми с владениями самых кичливых лордов Бифорта! Правда, ведут они себя как обычные свиноводы... и еще – это пресловутое рабство, о котором мне прожужжали все уши еще в столице.

– Я не воспринимаю это как рабство, – покачал головой Андрей. – Все гораздо глубже, мастер шеф, и скоро вы это поймете. Послушайте совета человека, который провел здесь много лет: не берите в голову. Это суровый, малолюдный мир, здесь правят иные законы. Любая попытка проводить жесткую политику натолкнется на молчаливое, но весьма упорное противодействие. Когда я только начинал службу, почти у меня на глазах застрелился ваш коллега, шеф-попечитель Уитман. Бедняга никак не мог понять, что законодательство Конфедерации бессильно на землях гордых и хорошо вооруженных людей. Должно пройти немало времени, прежде чем сами они осознают, что на самом-то деле Закон всегда стоит на их стороне. Пусть все течет своим чередом... процесс все равно необратим.

Шеф смущенно посмотрел на свои миниатюрные руки. Проследив за его взглядом, Андрей почему-то представил себе этого человека в боевом комбинезоне, с оружием в руках. Маленькая, отважная мышь, способная напугать кота... в кабинет шумно вломилась секретарша с большим подносом.

– Сюда, сюда, – засуетился Бэрден, указывая ей на традиционный длинный стол для совещаний. – Прошу вас, мастер доктор.

– Можете звать меня просто «док», – усмехнулся тот, – или Андрей – как вам удобнее. Почти всю войну я провел в экипажах, а там мы не слишком-то думали о чинопочитании.

– Тогда я – просто Олли, – понял шеф. – В конце концов вы, я, да еще молодой доктор Коннор, – вот и вся местная власть... в некотором смысле. Шерифа Маркеласа я никак не могу назвать государственным человеком.

– Хо, а Маркеласа выбрали шерифом?

– Вы знали его раньше?

– Ну разумеется. Он был видной фигурой до войны. Своеобразная личность... вам, наверное, с ним трудно, но поверьте, на самом деле он довольно симпатичен – если, конечно иметь общее представление о местных типажах. А что это за Коннор, о котором вы говорите? Военный?

– Довольно милый юноша. Нет, не служил, не знаю уж почему. Он прибыл сюда месяц назад... очень такой, знаете, решительный, полный честолюбия и, – шеф тихонько хихикнул, – желания отслужить полный срок.

– Раз так, парень не продержится и один контракт. Здесь нужно работать до потемнения в глазах, и лишь немногие выдерживают эту каторгу. Вообще, я считаю, что два врача на наш участок – это форменный идиотизм. Я хотел бы попросить вас, Олли, так, знаете, немного конфиденциально – пошевелите власти, чтобы нам скорее прислали третьего, как и положено по штатному регистру. Я знаю, у вас получится.

Через час Огоновский покинул ословевшего шефа и забрался в свой колесный вездеход, привезенный с Авроры вместе с остальным барахлом, необходимым для жизни на Оксдэме. С Бэрденом проблем не будет, решил он. Значит, следует приступить к обустройству собственной жизни. Договориться с местными ребятами, чтобы они привели в порядок дом и, в особенности – амбулаторную часть, окончательно распаковаться, проехаться по поселкам... Но его ждала еще одна встреча.

Глава 2.

«Собственно, – думал Андрей, глядя, как мимо него, качаясь, уплывают на восток плоские буро-зеленые холмы, – мальчишке Коннору следовало бы явиться и представиться – хотя бы так, из коллегияльного уважения. Я здесь уже пятые сутки, в округе об этом давно прознали, а он сидит у себя в норе и ждет, наверное, что я сам рванусь к нему кланяться. Это нелепо... доктор Коннор! Будет очень здорово, если парень относится к той категории придурков, которые, едва получив звание врача, сразу задирают свой носик до самых небес и в упор не желают смотреть на землю.»

Усмехнувшись этой мысли, он и сам посмотрел на небо – чистое, по-осеннему белое и словно замершее в предвкушении скорых зимних ветров. Погруженный в спокойное созерцание, Андрей не услышал приближающийся рокот мощного мотора, и вскинулся тогда лишь, когда из-за ближайшего холма на грунтовку выскочил огромный зеленый внедорожник со снятой крышей. За рулем машины сидел плотный мужчина с висячими седыми усами на длинном загорелом лице. Запавшие щеки придавали ему вид аскета, а черные, глубоко упрятанные глаза пытливо постреливали из стороны в сторону, словно ища среди степи нечто очень важное. При виде машины Андрея усач резко затормозил и нахмурился; впрочем, секундой спустя на его лице возникла хитрая улыбка.

– А вы меня не узнаете, док! – прокричал он, останавливаясь рядом с ним.

– Еще чего, – добродушно фыркнул Андрей, переводя рычаг трансмиссии в «нейтраль», – да чтоб я тебя не узнал? Как дела, мастер шериф?

Маркелас довольно осклабился и вытащил из кармана куртки длинную плоскую флягу.

– Ячмень хорош в этом году, – многозначительно произнес он и отвинтил пробку. – А вами, полковник, теперь весь Гринвиллоу гордиться будет. Знаем уже, знаем... ишь, надо же! Наш старый док лицом в грязь не ударил!

– Аксель умер генералом, – негромко перебил его Андрей.

Шериф спрятал улыбку и, неторопливо отпив из фляги, протянул ее Андрею. Тот машинально глотнул, ощутил знакомый вкус местного самогона, шумно выдохнул и потянулся за сигарой.

– Док Кренц был настоящим мужиком, – сказал Маркелас, – я горжусь им. Особенно после того, как покойник приварил меня по балде моим же излучателем, а потом волок меня на себе, чтобы заклеить рану. Да-а... настоящие мужики, они... черт... вот так вот, в общем. Заедете ко мне, док? – неожиданно спросил он.

– Не могу, – поморщился Андрей. – Давай лучше ты ко мне – тем более, что тут и ехать-то два шага осталось. У меня мырма моя, старшая сестрица, закончила распаковывать аптеку, посмотреть надо, а то она, знаешь... ты посидишь минуту, а потом и поболтаем.

– Идет, – легко согласился Маркелас и, дав газ, развернул своего мастодонта почти что на месте.

Убедившись, что Бренда все сделала как надо, Огоновский спустился вниз, однако шерифа не обнаружил. Тот ждал его в саду.

– Знаете, – сказал он, прихлебывая свой самогон, – у меня часто бывает так, что вот положу деньги в какой-то карман, а потом долго не могу их найти... в последнее время у нас появились люди, которые всегда помнят, где у них что лежит.

Андрей вопросительно поднял брови. Раньше Ник Маркелас не умел говорить намеками.

– После войны многое изменилось. Вы поздно приехали, док, нам тут вас здорово не хватало. Никто, в общем-то и не верил, что вы вернетесь – думали, погибли, как все...

– Что значит – как все? – удивленно переспросил Андрей.

– Да вот то и значит. Я ведь, – шериф сделал глоток и яростно затянулся сигаретой, – трижды подавал прошение зачислить меня кем угодно и куда угодно, а мне все отвечали: нет, до инвалидов пока не дошло. Нашли инвалида, с-суки!

– Ну, призывные комиссии правы, куда с твоим позвоночником. Ты ведь перегрузку не выдержишь, зачем тебя калечить?

– Да при чем тут мой позвоночник! У нас же больше половины мужиков не вернулись, понимаете?

– Я знаю, Ник. Я смотрел статистику. Да, Окс почему-то пострадал сильнее всех... судьба.

– Ни черта вы, док, не знаете! Вы б видели баб, которые криком кричат, потому что сынишки подрастут – когда еще, а в шахту лезть надо сегодня! Вы еще увидите... фермы стоят, док, шахты валяются, в этот год почти половина так и не посеялись. Жрать они что будут? Я пришел к шефу этому, Бэрдю, и говорю: надо писать отчет, требовать правительственных субсидий, а он мне в ответ только вздыхает. Никто нам, говорит, никаких денег не даст, надо выполнять как получится. Как получится, док? Как?

Андрей промолчал. Он знал, что Маркелас, наверное, прав, но в то же время понимал и еще кое-что: слава богу, что на Оксдэме не навесили продовольственную программу. Чиновников крупных метрополий совершенно не волнует, сколько рабочих рук потеряла та или иная планета, у них есть план госзаказа, и его надо выполнять. А то, что на Оксдэме дерьмовые почвы и он еле научился обеспечивать самого себя – так кого это волнует? Конфедерация только что вылезла из войны, потери кошмарные, причем это везде, и сейчас нужно в первую очередь восстанавливать экономику, а не платить кому-то какие-то субсидии.

– Я слышал, что у тебя возник конфликт? – осторожно поинтересовался он.

– Басюк, сучий сын, – фыркнул Маркелас. – Есть у меня странные ощущения, док, но то не сейчас.

– Какие – странные?

– А вот такие – странные, и все тут. Вы сами увидите, как покрутитесь в долинах. Вы мне лучше вот что скажите – вы работать-то готовы или как? Что мне людям сказать, когда спрашивать будут?

– Я готов работать всегда, Ник, и ты это прекрасно знаешь. Ты обиделся? Но почему?

– Да бог с вами, док... это вы меня простите. Вы... вы еще на войне, наверное, а я тут, и никуда отсюда не девался. Простите, поеду. А люди, кстати, ждут вас... да.

– Обожди, Ник, – Андрей остановил шерифа уже возле самой машины. – А доктор Коннор... он что?

– Коннор? – Маркелас скривился, пожал плечами и молча нырнул за руль. – Счастливо, док.

Огоновский проводил его долгим взглядом, дождался, когда зеленая корма вездехода растает среди холмов и поплелся к себе.

С Авроры он привез двоих медсестер: старшую, Бренду, которая имела самые лучшие рекомендации, ему фактически навязали в Центре здравоохранения развивающихся миров. Бренда всю жизнь прослужила в разных респектабельных клиниках, была безусловно компетентна, и так же безусловно неприспособлена для Оксдэма. Андрей был уверен, что если она тут и задержится, то только на характере – этого добра Бренде было не занимать. Младшая, милое существо по имени Лалли, прошла всю войну операционной сестричкой и честно заслужила свои лейтенантские погоны вместе с Рыцарским Крестом. Едва Андрей узрел в Центре грустную, немного неуклюжую из-за своего совсем не девичьего роста сестру с «Рыцарем» на жакете, как ему стало ясно: это то, что надо. Лалли вызывала у него откровенно отцовские чувства, и сразу же по прибытии он дал себе слово сосватать ей сыночка кого-нибудь из местных аристократов. Очаровательный гренадер в юбке, плюс еще и госслужащий, плюс украшенный

одной из высших боевых наград – да от такого компота любой навозный лендлорд растает, как снег на экваторе.

С сестрами все было вроде как ясно. Вот с остальным было хуже. Андрей органически не мог существовать без шумной толпы, населяющей его дом – молоденьких девочек, чьих-то детей, которые остались на «пару деньков», и зависли на месяц, без всей той атмосферы бедлама, которая сопровождала его в прежние годы на Оксдэме. Он привык спускаться к обеду в плотном домашнем камзоле, с неизменным, древним стетоскопом на шее, с напускной строгостью оглядывать свое многочисленное «семейство», хлопать по заднице кого-нибудь из девчонок, делать традиционный, совершенно театральный выговор кухарке и, хитро шурясь, садиться с краю стола. Наверное, именно ради этого он и летел в этот не самый лучший из миров.

Вспомнив былые годы, Андрей горько вздохнул и пошел наверх, к себе в кабинет, заваленный нераспакованными еще книгами и коробками с кучей военных реликвий.

– Лалли! – гаркнул он, поднимаясь по лестнице, – Принеси мне кофе и булочку!

Старик генерал, владевший домом, имел, по всей видимости, огромную библиотеку, но после его смерти дом некоторое время стоял без всякого присмотра, и книги перешли в собственность всяких обормотов, шлявшихся по окрестностям. Андрей был рад уже тому, что в большущем кабинете уцелели камин и темные, под самый потолок, книжные шкафы. Свой ковер он расстелил на полу в первый же день, прежде, чем занести остальные вещи. За ковром последовал письменный стол и новенькое, приятно скрипящее кресло, от которого пахло дорогими ботинками.

Дождавшись, когда Лалли принесет на подносе кофейник и булочки, Андрей принялся вскрывать книги. Библиотека у него была большая, с медициной соседствовала классическая беллетристика самых разных эпох, начиная еще с XIX-го века, многие издания были старинными, попадались даже раритеты имперского времени, напечатанные на бессмертном пластике и переплетенные в специально обработанную кожу, которой не страшны столетия – то была собственность его семьи, прошедшая через множество парсек и сражений. Прихлебывая кофе, Огоновский располагал книги на чуть поскрипывающих деревянных полках. Шкафы были местной работы, солидные, никакой химии, только дерево и лак, да небьющийся пластик в тяжелых дверцах. Он долго, с наслаждением перебирал тома, подбирая их сперва по тематике, а потом – по цвету корешков. К тому моменту, когда большинство книг заняли свои места на полках, кофейник был пуст, а пепельница, наоборот, полна. Андрей устало сел в кресло, глянул за окно – уже начало темнеть, и вдруг услышал, как внизу приглушенно заблеял звонок.

Тихо, словно стесняясь, щелкнула входная дверь. Огоновский наострил уши: ему показалось, что он слышит слабый, очень усталый голос молодой женщины. И – резкий, сухой ответ Бренды:

– Доктор не может принимать в такое время. Существует распорядок... приходите завтра.

– Старая сука, – прошипел Андрей, вскакивая. – Бренда! – заорал он, открыв дверь кабинета. – Не смейте выпроваживать посетителей!

В гостиной стояла худенькая, совсем еще юная девушка в потертом плаще, под которым виднелись большие болотные сапоги. Увидев спускающегося по лестнице Андрея, она подняла на него измученные, полные безнадёжности глаза:

– Доктор... мой братик, он, кажется, умирает. Мать послала меня за вами, но я так долго шла...

– Бренда, принесите ей рому, – приказал Андрей. – Что с вашим парнем?

– Он весь синий, доктор, почти не дышет. Губы распухли, глаза тоже... мама давала ему травы, но ничего не помогает.

– На болотах был?

– Да откуда ж нам знать, доктор? Он ведь целыми днями бегает, где ему вздумается. Ему всего одиннадцать, как за ним таким уследишь?

– Выпейте рому, он вас успокоит. Бренда, выездной кейс. Лалли! Одеваться!

– Вы собираетесь ехать к больному на ночь глядя? – широко распахнула глаза сестра. – Но где же такое видано?

– Здесь вам не Аврора, – прошипел Андрей, – на этой планете нельзя отказывать больному только из-за того, что у вас приступ мигрени. Советую вам это запомнить – раз и навсегда. Иначе нам с вами не сработаться.

Через две минуты он, затянутый в кожаный комбинезон пилота атмосферных машин, уже заводил свой джип. На заднем диване расположилась совершенно невозмутимая Лалли со здоровенным белым чемоданом, в котором было все необходимое для акта воскрешения на месте.

– Как вас зовут? – спросил он девушку.

– Анита, доктор. Скажите, это лихорадка, доктор? Мама очень боится, что Юрген подхватил на болотах лихорадку...

– Я не могу ставить диагноз на расстоянии, Анита. Мне нужно видеть больного. Губы, говорите, распухли? Но он говорит, а? Крыша у него не поехала?

– Он в полном сознании, доктор. Но он еле дышет, понимаете?

– Понимаю. Учись, Лалли, – произнес он, обернувшись к своей сестре, – сейчас ты увидишь довольно типичный случай. Если, конечно, я не ошибаюсь.

Дорога до фермы «Три ключа», где произошло несчастье, заняла у Андрея не более пятнадцати минут. Спустившись в долину, он увидел, как светятся окна большого, запущенного дома, за которым расположился целый лес ветрогенераторов.

На фыркание джипа из дома выбежала высокая, некогда очень красивая женщина в пухлой теплой куртке.

– Ах, доктор, мы все так рады, что вы вернулись к нам! – она дрожала, но не от холода, – Наш Юрген, кажется, подхватил-таки лихорадку. Я уже думала, что Анита не успеет. Пойдемте, пойдемте... он, кажется, задыхается.

Сопровождаемый молчаливой Лалли, Андрей поднялся на второй этаж и очутился в чистенькой комнатке, стены которой еще недавно покрывали ковры. Теперь ковров не было, как не было в ней и игрушек, кроме пары старых, истрепанных кукол в ногах кровати, на которой лежал белокурый мальчишка с вытянутым, синюшным лицом. Его рот с такими же, почти фиолетовыми губами, был широко раскрыт, из красных, словно навывкате глаз, текли слезы.

– Та-ак, – хмыкнул Андрей, подходя к кровати, – ну что, парень, что ж это ты? Хм-м, да это прямо классика. Лалли, возьмите свет и загляните ему в рот. Что вы там видите? Десны, небо? Как состояние слизистой?

– Все интенсивно-красного цвета, однако я не вижу ни фолликулов, ни отечности, – доложила сестра.

– Но губы распухшие, не так ли? И, конечно же, некоторый отек гортани. А теперь смотрите.

Наклонившись, Андрей сорвал с ног мальчишки одеяло и после недолгих поисков повернул под яркий свет фонаря его правую лодыжку, на которой виднелось крохотное пятнышко застывшей крови.

– Вот, – удовлетворенно сказал он. – Я сколько уже раз говорил, что по болотам нельзя бегать без сапог! На этой планете водится маленький червячок, яд которого содержит сильнейший токсин комбинированного действия... Всадите ему токсиштамм, Лалли, я думаю, кубов так пять, пистолетом, прямо в вену. Это все ерунда. Через сутки после укуса наступает отек гортани... асфиксия, смерть. Иногда отек легких. Следует помнить – отекающие губы и полное сознание, запомните это, иначе вы перепутаете червячка с лихорадкой, а это дело серьезное.

При лихорадке – бред в течение первых же суток... мадам, – Огоновский повернулся к перепуганной матери, – не выпускайте сына без сапог.

– Дядя доктор, – свободной левой рукой мальчишка поднял одеяло, и на Андрея уставилась пара влажных черных глаз, – купите у нас Тома... нам нечем его кормить... ну купите, ну что вам стоит... он не может без людей, он умрет один.

Андрей глубоко вздохнул. Не видя побледневшей женщины, которая вдруг покраснела до корней волос и закрыла рукой губы, он вытащил из кармана купюру в двадцать крон и поднял за шкурку довольно крупного черного с желтым брюхом щенка. Щенок задергал хвостом, тихонько заскулил и тотчас же устроился у него на руках.

– Пока, Юрген, – улыбнулся Андрей, стараясь не глядеть на хозяйку. – Будь осторожен на болотах.

Он держал руль левой рукой, а правой почесывал тощего мохнатого Тома, который, враз признав в нем хозяина, лежал под его бедром, внимательно поглядывая вперед. На дороге Андрей почти не смотрел.

Перед его глазами крутились полыхающие, изуродованные корабли. Он видел, как корчатся в пламени, гибнут от удушья тысячи людей, видел, как плачут от боли раненые, обгоревшие солдаты, он ощущал характерный запах операционной, через которую за сутки прошло больше ста человек – тот запах страдания, запах горелого человеческого мяса, смешанный с вонью оплавленных комбинезонов...

Щенок утробно заворчал, завозился и опустил голову на гладкую кожаную ногу Андрея.

– Ага, Томми, – сказал он, – ну, скоро и у нас будет семья, верно?

Глава 3.

– К вам доктор Коннор, доктор.

Андрей недоуменно оторвался от книги и несколько секунд пытался сообразить, о ком, собственно, идет речь. Вспомнив, он скорчил недовольную мину:

– Просите, Бренда... я сейчас спущусь.

Доктор Коннор оказался высоким молодым парнем в дорогом кожаном плаще и совершенно неуместных здесь легких туфлях. Бросив короткий взгляд на его узкое лицо, на котором застыло выражение брезгливой усталости, Андрей постарался нарисовать улыбку:

– Рад знакомству, коллега. Андрей...

– Арманд, – его рукопожатие было настолько сильным, что позволяло заподозрить в юноше спортсмена. – Счел своим долгом представиться, мастер доктор. Если я не ошибаюсь, мы с вами приписаны к одной территории?

– Только вчера пришел приказ о моем увольнении с Флота. Так что с сегодняшнего дня я действительно приписан к Гринвиллоу. Может быть, мы поднимемся в мой кабинет? Лалли, прими у доктора его плащ...

Оказавшись наверху, доктор Коннор хищно осмотрелся – так, словно уже видел себя в роли приценивающегося покупателя. Разглядывая книги, он неодобрительно прищурился; немного удивленный, Андрей пожал плечами и гостеприимно взмахнул рукой:

– Коньяк, виски?

Доктор Коннор молча боднул головой и опустился в кресло.

– Как вам Оксдэм, доктор? – Наливая гостю коньяк, Андрей спрашивал себя, что именно так раздражает его в этом мальчишке – может быть, то что считается обаянием и лоском где-то там, в огромных чопорных клиниках столиц?... он не знал. – В наших широтах не лучший климат, а?

– Меня предупреждали, что это мерзкая планетка, – вздохнул Коннор, – но я и представить себе не мог, что настолько.

– Все так считают. Все, кто прибывает на Оксдэм с больших и старых миров. Потом, когда проходит время, некоторые привыкают настолько, что начинают находить этот мир пусть и суровым, но, все же, по-своему привлекательным.

– Как вы, коллега? – на губах Коннора появилась кислая улыбка.

– О, это вопрос сложный. Да, я долго держался здесь на одном упрямстве, а потом и в самом деле привык, оброс знакомствами, связями и, скажу честно, вернулся сюда с большим удовольствием. Давайте выпьем за вашу карьеру, доктор: на правах старшего хочу вам пожелать терпения, упорства... а потом все пойдет как надо.

– У вас тут удивительная репутация, – заметил Коннор, залпом выпив свой коньяк. – У вас и у этого... м-мм, Кренца. Это правда, что на заре своей карьеры вам приходилось орудовать не только скальпелем, но еще и мечом?

– И бластером тоже, – с улыбкой ответил Огоновский. – Вы, я вижу, передвигаетесь без оружия? Это вы зря. Говорят, правда, что после войны порядки стали помягче, но я, между нами, в это не верю. Полгода, может быть, еще год, и все вернется на круги своя. Мне-то бояться нечего, пусть меня все боятся, а вот вам... смотрите.

Андрей распахнул дверь огромного стариковского сейфа, который занимал почти половину стены справа от окна, и вытянувший шею Коннор увидел десяток разнокалиберных армейских излучателей, вставленных в специальные фиксаторы. В нижнем отделении сейфа лежали коробки с боеприпасами, украшенные трафаретными флотскими орлами.

От ужаса Коннор провел рукой по лбу и облизнулся.

– Кажется, это армейское оружие...

– Совершенно верно, коллега, – раскрыв один из шкафов, Андрей изящно накиннул на голову высоченную темно-синюю фуражку; вокруг черного креста кокарды золотились миниатюрные крылышки экипажного состава. – Всю войну я прошел в экипажах, уволен с почетом, так что имею полное право. Ну и допуск, разумеется...

– Странно, – Коннор был ошарашен, и изо всех сил пытался это скрыть, – странно, – потому что отправляясь к вам, я представлял себе классического колониального доктора старой формации, добродушного идеалиста, немного оторванного от реального мира и все такое...

– ...с бородой...

– Что? Ах, простите. Ну да, конечно же, с бородой. А вижу... а... ну то есть да! А передо мной военный врач высокого ранга... простите, не в курсе, в каком вы чине...

– ... полковник, с вашего позволения...

– Да! Полковника, с таким-то арсеналом...

В эти минуты Коннор стал гораздо более симпатичным. Наверное, решил Андрей, вся эта спесь, как и эти идиотские столичные туфельки, была надета на его личину еще там, весьма далеко отсюда – надета в первую очередь для того, чтобы избавиться от комплекса «молодого и подающего». Андрею все это было хорошо знакомо. Наверное, такие же чувства испытывает каждый юнец, получивший на руки сверкающий диплом медицинского корпуса и не имеющий жирных покровителей, которые помогли бы ему сразу же занять место на подступах к олимпу медицинского мира. Возможно, именно из-за этого он и пошел на Флот в самом начале своей карьеры: синий мундир да змеи Эскулапа в петлицах помогали избавиться от проблем, вмиг поднимая его над цивильными элитами.

– Как говорил мой лучший друг, покойный легион-генерал Кренц, «Оксдэм – место выживания цельных натур». Да-да... так что я рекомендовал бы вам сделать заказ прямо сейчас, чтобы ближайший же транспорт доставил вам оружие. Гражданское, конечно – но если хотите, можем слетать в порт, и я познакомлю вас с парой «жучков», которые будут рады оказать молодому доктору любые услуги. За наличные, само собой.

– Я вижу, что ваш коллега был склонен к философии... – промямлил Коннор. – На меня, конечно, никто не нападает, но знаете, иногда встречаешь такие взгляды, что становится просто холодно.

Андрей понимающе закивал и поспешил долить гостю коньяка.

– Репутация, коллега, имеет здесь первостепенное значение – ничуть не меньшее, чем на каком-нибудь там Орегоне. Только там предпочитают спесивых врачей, которые выписывают пациентам заведомо дорогие процедуры и смотрят на них сверху вниз, а здесь, увы, все наоборот. Мой вам совет: забудьте все правила поведения, которые приняты в нашем цеху там. Забудьте то, чему вас учили в корпусе. Вам и так платят больше, чем крупному специалисту в аврорской клинике, верно? Вот и работайте, тем более, что здесь за эти деньги можно получить гораздо больше, нежели принято думать. Когда-нибудь вы сделаете трахеотомию посреди болота, держа больного на своем колене, а потом – когда-нибудь – ваш пациент встанет у вас за спиной с оружием в руках и, возможно, отдаст таким образом свой долг.

Коннор вздохнул и вылез из кресла.

– Вы, вероятно, правы. Что ж, придется привыкать. Я летел сюда за пенсией, и никак иначе. И я ее добуду! Рад знакомству, коллега...

– Случись что – всегда жду, – искренне произнес Андрей, пожимая руку Коннора. – Можете располагать моим опытом в любое время суток.

Поглядев, как удаляется его новенький казенный вездеход с яркой эмблемой Центра здравоохранения развивающихся миров, он тихо и печально улыбнулся. Когда-то они с Акселем тоже гордились своими оранжевыми «снежинками» и фамилиями на бортах служебных машин. Потом появились личные, более мощные и удобные, и «снежинки» забылись сами

собой, потому что больше в них не было никакой надобности. Как же, господи, давно все это было!

– Бренда! – позвал он.

Сухое лицо сестры с недовольно поджатыми губами тотчас выплыло из полумрака амбулаторного покоя.

– Мне необходимо съездить в долину: возможно, я буду вечером. Помните: если привезут роды, особое внимание следует удалить бакобработке, здесь это весьма актуально. И... ни в коем случае не удивляйтесь роженице, которая приедет без мужа. Планета... в общем, черт, что я тут несу! Ждите меня к вечеру.

До поселка он доехал за полчаса. Когда-то Змеиный лог был довольно большим, по местным меркам, селением, по-колониальному размашистым, с широкими улицами, вдоль которых стояли крепкие каменные дома в два-три этажа. Внешне, в принципе, почти ничего не изменилось, но Андрей сразу же отметил, что былого движения, когда по улицам скользили десятки машин, всадники, а на парковочных площадках стояли коптеры зажиточных фермеров и шахтеров, больше нет. Змеиный лог казался вымершим. Несколько вездеходов неторопливо ехали по растрескавшемуся бетону, большущий грузовик, вывернув из-за угла, легко и непринужденно вписался в поворот и покатил вслед за Андреем прямо посреди улицы. Хмурясь, он остановил машину возле самого известного в городке отеля «Оксдэмский туман», в ресторане которого кипела вся деловая жизнь округи.

Наверное, это было единственное место в радиусе тысячи километров, где наблюдалось какое-то шевеление, хоть отчасти похожее на прежние времена. Не без труда воткнув свой джип на стоянку, Андрей привычно проверил, как двигается в открытой кобуре офицерский бластер и решительно вошел в зеркальный холл. Мальчишка-портье, дремавший у стойки, его не узнал. Провожаемый его удивленным взглядом, Огоновский вошел в огромный зал ресторана и на секунду задержался возле большого, немного фиолетового зеркала в два человеческих роста. На груди черного кожаного комбинезона сплетались, стиснутые треугольным щитом шеврона, две змеи Эскулапа – хоть в мелочи, но все же он потрафил своему тщеславию.

– Ого! – услышал он хорошо знакомый голос, – Да это же наш старик док Эндрью!

Мгновение спустя Андрей оказался к тесном кругу радостно возбужденных людей, каждый из которых старался пожать ему руку, выразить свою гордость по поводу его военной карьеры и вот сейчас, немедленно, пригласить к себе на рюмку накрепчайшего самогона. Он немного ошалел; на глазах даже выступили слезы. Еще никогда, наверное, Андрей не чувствовал себя так тепло и хорошо, как сейчас – среди людей, рядом с которыми он прожил столько лет. Каждый из них хоть раз, но был его пациентом. Он лечил их детей, принимал роды у их женщин, он зашивал им раны и царапины, спасал от проклятой лихорадки – и сейчас, видя их, еще недавний флотский полковник Огоновский ощущал себя настоящим «семейным доктором», живущим в этой огромной галдящей семье.

Кое-как отбившись, он повернул к стойке, где радостно улыбались лица шерифа Маркеласа и старого аристократа Гора Адамса, владевшего доброй половиной территории Гринвиллоу и землями за ее пределами. За годы войны Адамс приметно осунулся, густые брови из пепельных стали совсем серебряными, но жесткая складка вокруг губ, выдававшая неукротимый характер вояки, ничуть не изменилась.

– Милорд... шериф...

– Мы очень рады, э, Ник? Я вот Нику-то и говорю: вот, говорю, здорово, говорят, док Эндрью вернулся, не забывает нас... а он мне и говорит: ха, да он целым полковником вернулся, весь в крестах-то, вот как!

– Присаживайтесь, док. Последний транспорт привез отличную выпивку. Нет-нет, платить и не думайте. Будем считать, что вас угощает община... в моем лице.

– Расскажите нам, док, как воевали-то? Полковника, сам знаю, за просто так не дают. Эх, как же жаль, что док Кренц не дожил... вот было бы здорово, верно, Ник? Доктора-то: генерал с полковником, а?

– Да воевал как получалось... не очень, наверное, плохо, но были ведь и лучше. Давайте вы мне расскажите, как дела у нас в округе? А то я что-то кроме плохого ничего и не слышал...

Адамс опустил голову, махнул рукой.

– Что хорошего-то, док? Рады, что хоть кто-то вернулся, а так... когда такое было, чтобы людям жрать было нечего? Шахты стоят. Удобрения купить не на что, а как тут без них? Сеяться просто не кому...

– Зато, я слышал, и бандоты не осталось. А то мне так надоело всех вас зашивать по три раза на дню! Особенно, если учитывать, что я всю войну этим занимался.

– Бандоты? – Адамс скривился. – Ну, это еще как сказать. Кое-то всю войну в болотах просидел. Кое-кто, да только все знают, кто именно. А еще кое-кто по гражданскому призыву проходил, хотя можно было бы и пасть за свободу, так сказать, человечества. А теперь все по-новой. Что ж мне? Я стар, да и моего у меня не отнимешь. А вот другим, не скажу кому, может, и не так уж весело.

Андрей понимающе покачал головой. Дерьмовый орегонский бренди обжег ему горло, и он подумал, что местный самогон, пожалуй все же лучше этого «импортного» пойла. За годы войны он настолько привык пить спирт, который, конечно же, выгодно отличался от пусть фабричного, но дешевого фуфла, что сейчас морщился, кривился и смеялся над самим собой.

– Нацеди-ка мне лучше своего, – попросил он бармена. – Сладенького, с травкой.

– Твои девушки, – вдруг произнес Адамс, – кто как... Инга вышла замуж за сержанта с военной базы и год как улетела, Тея исчезла в первый же год – тут, знаешь, такое творилось... а Делия... она, в общем сына твоего родила.

– Ч-что? – вскинулся Андрей. – Какого сына?

– Ну от кого она могла родить через полгода после того, как тебя забрали? От меня, что ли? Да и видел я парнишку – ну вылитая папкина морда.

– И где он?!

Адамс сглотнул и беспомощно посмотрел на Маркеласа. Тот недовольно хмыкнул, скосил глаза в сторону – мол, ну на кой же ты, хрен старый...

– Басюк их обоих... баловался, гад.

Огоновский выпил полный стакан самогона, аккуратно поставил его на стойку и громко щелкнул пальцами. Он не знал своего сына. Он никогда не видел его лица, он вообще никогда еще не был отцом. Он даже плохо помнил лицо Делии, совсем юной девчушки, которая оказалась в его доме буквально за год до войны.

Но его сын был мертв.

Он знал: отчаяние придет потом...

– Ну, Басюк свое получит, – туманно пробормотал Маркелас, все еще косясь на притихшего лорда Адамса.

– Мальчишки подрастают, – с неестественной живостью заговорил тот. – Скоро и в шахты пойдут, а там, думаю, жизнь наладится. Иначе и быть ведь не может, э?

– Каждый второй, – вдруг произнес Андрей, берясь за новый стакан. – На Оксдэме – каждый второй, это я помню. Давайте помянем, что ли...

Ближе к вечеру, хмельной, но не чувствующий себя пьяным, он вывалился из «Тумана», всадил ключ в замок зажигания и некоторое время сидел, глядя на ожившую перед ним панель приборов. Браться за руль почему-то не хотелось. Андрей протянул руку, включил аудиосистему и долго думал, что именно ему выбрать. В памяти дорогого аппарата было очень много музыки...

Наконец машина тронулась. Сам не знаю почему, он поехал домой не напрямик, а по кругу, через несколько шахтерских поселков, лежавших чуть выше долины. Он проехал мимо того места, где стоял его дом – теперь там мертво скалился высаженными окнами типично армейский куб оперцентра учебного лагеря. Дома не было. Не было ничего, что могло бы напомнить ему о проведенных здесь годах, даже болотце, через которое был когда-то переброшен ветхий деревянный мостик, военные строители безжалостно осушили, чтобы оно не мешало господам офицерам, имевшим особое пристрастие к падению пьяным рылом в грязь.

Дорога полого шла вверх. Змеиный лог остался позади, среди редких кривых деревьев уже виднелись блестящие крыши шахтерских усадеб. Андрей снял ногу с педали газа и поймал себя на мысли о том, что сейчас, именно сейчас он наконец-то стал для Оксдэма своим. Он вернулся с войны. Здесь лежит его сын, которого он так никогда и не увидел, здесь живут люди, которых он лечил и будет лечить дальше. Это – его мир, его земля; он пришел сюда навсегда.

На въезде в селение он увидел нескольких свиней, которых пас тощий мальчишка в перешитом комбинезоне. Увидев машину Андрея, паренек опасливо втянул голову в плечи – Огоновский приветливо помахал ему рукой и попытался вспомнить лица тех, кто жил здесь раньше.

Одно из таких лиц он попалось ему буквально через минуту. Возле старого грузовичка курили двое мужчин, на одном из которых красовался десантный офицерский комбез со спортивными знаками различия. Андрей притормозил и высунулся из машины:

– Привет, Блэз! Навоевался, старик?

– О, господи, док!

Нелепо вытянувшись, Блэз отмахнул честь и тотчас же полез в карман за флягой.

– Лейтенантом пришел? – спросил Андрей, с улыбкой разглядывая открытое лицо шахтера, украшенное большим рваным шрамом на щеке.

– Так точно, ваша милость! – хохотнул Блэз.

– Ну, хорошо, хоть пришел. А вот друга твоего не помню... кто таков?

– Да и помнить не можете. Я его с собой притащил – мы с ним всю войну в одном взводе. Только я потом командиром своего, а он – взвода разведки... было дело.

– Хэнкок, – представился молодой мужчина, – Стив Хэнкок. Я с Бифорта, мелкопоместный, так сказать... земли на всех не хватает, я и возвращаться не захотел.

– Полковник Огоновский, медслужба Флота, – немного пьяно ответил Андрей. – Здешний врач, так сказать. Как дела, бойцы? Как перспектива?

– У нас-то куда ни шло, – вздохнул Блэз. – Стив помогает, работы валом, так что внакладе не будем. А вот у других... ой, мама ж ты моя...

Шахтер опустил голову, передернул плечами, и Андрей с удивлением увидел, что Хэнкок ласково треплет его по шее, пытаясь успокоить.

– У него с нервами, – тихо объяснил он, поймав удивленный взгляд Огоновского. – Рана... а вообще, тут действительно такое... у кого фермы, те еще как-то, женщины друг другу помогают, да и мы пытаемся. А вот у кого шахты, да еще и сыновья не пришли, тем хоть погибай.

Андрей облизнул пересохшие губы.

– Вы хоть рожайте, баб-то много, – сказал он, стараясь не глядеть на плачущего десантника. – Рожайте, а я уж всегда... приму...

Проехав дальше, он остановился возле крохотного деревенского кабачка. В зале было пусто, за стойкой дремал белобрысый мальчуган, совершенно не услышавший шагов Андрея.

– Эй, малый, – Огоновский потрепал его за вихры и улыбнулся, – а дед Хома куда делся?

– Хома? – затрепетал ресницами отрок, – Так помер Хома, два года уж как зарыли. А вы... кто?

– А я тебя из мамки вытаскивал, – ответил Андрей. – Не красней, все там были.

– Так вы... тот самый доктор, про которого Джош рассказывал?

– Доктор, доктор. Пиво-то давно варили? А ну, нацеди мне большую.

Суется, парень налил Андрею здоровенную кружку темного пива. Огоновский присел на отполированный за долгие годы стул и грустно оглядел низкий зальчик, едва освещенный парой тусклых плафонов. Раньше в такое время суток здесь торчали почти все мужчины поселка. Теперь кабачок был пуст, как и вся округа...

– Доктор...

Погруженный в хмельные думы, Андрей и не заметил, как подошла к нему высокая седоватая женщина в грязном рабочем комбинезоне. Он узнал ее – это была жена владельца крупнейшей среди поселковых шахты. У нее, кажется, было трое сыновей и дочь, вспомнил Андрей. И жили они тогда дай бог каждому.

– Мэдлин? – удивился он. – Здравствуйте... как ваши?

– Моих больше нет. Никого. Я хотела просить вас об одной вещи... правда, все не знаю, как начать...

Андрей встал на ноги. Перед ним стояла женщина, потерявшая абсолютно все – мужа, сыновей, почву под ногами. Он не мог сидеть; он склонил перед ней голову и приготовился слушать.

– Моя дочь, Ханна... она не больна, вы не подумайте! Дело в том, что я уезжаю – наверное, я найду работу в порту... мы уже давно продали шахту, дом, в общем, все... а зимой мы просто не прокормимся. Доктор, купите Ханну! Она красивая стала, вы ее даже не узнаете! У вас пенсия, содержание, она будет работать, она может... она сыновей вам родит... доктор, я умоляю вас, спасите ее! Иначе нас просто сожрут зимой, вы не знаете, тут из болот выходят...

Огоновский глубоко вздохнул. Он все понял. Деньги, полученные за девочку, и в самом деле помогут женщине добраться до столицы, а в порту устроиться еще можно. Но с несовершеннолетней дочерью ее ни на какую работу не возьмут, это он знал твердо. Либо девчонка станет проституткой и через год погибнет под ножом уделанного нарка, либо ее действительно съедят ублюдки, пересиживавшие войну в местных болотах. Защищать ее тут никому, своих бы спасти!

Пошарив по карманам, Андрей вывалил перед женщиной кучу мятых купюр. Одну он выделил и положил на стойку, а остальные пододвинул к плачущей Мэдлин.

– Здесь больше двухсот крон, – сказал он. – На первое время вам хватит.

– Что вы, – прошептала женщина, – тут нет таких цен!

– Это мое дело, – перебил ее Андрей. – Идемте.

Через полчаса справа от него, вжавшись в бархатную кожу дверцы, испуганно улыбалось светловолосое длинное чудо по имени Ханна. Ей было пятнадцать; как и все девушки на Оксдэме, она созрела раньше своих лет и выглядела уже весьма женственно. Украдкой поглядывая на свое приобретение, Огоновский сладко шурился и думал о том, что все, кажется, становится на свои привычные места.

Глава 4.

– Ну, и... оп!

Рука в тонкой полимерной перчатке хлопнула младенца по розовой попке, и бутуз возмущенно заорал, оглашая своим ревом операционную.

– Сформируйте парню пупок, – распорядился Огоновский, передавая новорожденного Бренде. – Ну, что, – наклонился он к роженице, – и чего было бояться? Больно было?

– Нет, – счастливо прошептала молодая рыжеволосая девушка. – Нет... спасибо, доктор.

– Ну! А ты все плакала. Смотри, орел какой! Вырастет, генералом станет!

– Три семьсот, без патологий, – доложила сестра. – Отличный ребенок.

– И роженица ничего, – сказал Андрей в сторону. – Бакобработка, Бренда...

Не снимая перчаток, он продрался сквозь самогерметизирующую пленку на входе и весело подмигнул двум мужчинам, нервно мнущимся в амбулаторном покое:

– Сын... кому сын, кому внук. Здоровый такой кабан, три семьсот.

Рослый парень с тщательно наглаженным камзоле бросился ему на шею, а его отец, крепкий, почти без седины шахтер с претензией на респектабельность, стиснул его правую ладонь.

– Тише вы! – засмеялся Огоновский. – Руку сломаете, чем я резать буду? Все у вас в порядке, девушку можете забрать завтра под вечер. Тогда же и на малого поглядите. Все-о! Я сказал. Завтра. А сейчас – марш-марш! Доктор устал и хочет спать.

Андрей проводил счастливых отца и деда до их машины, вернулся наверх, в операционную и принялся раздеваться, стоя в негерметичном предбаннике.

– Лалли, расположите нашу красавицу в палате, младенца на ночь – в камеру, пусть проветрится как следует, а я пойду к себе. На сегодня все... спокойной ночи. Ханна! – крикнул он, входя в противоположное крыло дома отведенное под его кабинет и спальни. – Ханна, подогрей мне каплю супу и разорви ту курицу, что вчера Эмден приволок!

В кабинете под ноги радостно бросился Том. За неделю, проведенную в доме Андрея, он поразительно разъелся и сейчас уже мало напоминал ту замороженную худорбу, которую он купил у мальчишки Юргена. Андрей меланхолично потрепал пса по спине, накинул на себя халат и устало свалился в кресло. Сегодняшний день начался с гнойной раны на ноге старого шахтера, а закончился родами. Вдыхая, Огоновский врубил личный терминал и принялся набрасывать заявку на лекарства и расходные материалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.